

Пол
Андерсон

POUL
ANDERSON

BRAIN WAVE
THE LONG WAY HOME
PLANET OF NO RETURN
(QUESTION AND ANSWER)

Пол
Андерсон

ДОЛГАЯ ДОРОГА
ДОМОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А65

Серия «Мастера фантазии»

Poul Anderson
BRAIN WAVE
PLANET OF NO RETURN
(QUESTION AND ANSWER)
THE LONG WAY HOME

Перевод с английского
К. Егоровой («Планета, с которой не возвращаются»),
С. Рюмина («Волна разума», «Долгая дорога домой»)

Художник В. Половцев

Печатается с разрешения литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg

Андерсон, Пол.

А65 Долгая дорога домой : [сборник] / Пол Андерсон ;
[перевод с английского К. Егоровой, С. Рюмина]. — Москва :
Издательство АСТ, 2022. — 448 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-139482-0

«Волна разума». Земле и всем разумным живым организмам, населяющим ее, грозит небывалая опасность: космическое излучение, воздействующее на нейроны мозга, заставляет мозг работать с небывалой интенсивностью, а значит, все здание мировой цивилизации неминуемо пошатнется.

«Долгая дорога домой». Американские инженеры-астронавты середины XXI века, совершив испытательный полет с новым двигателем, по возвращении домой удивлены тому, что очертания континентов на Земле изменились, и Солнце сдвинулось с привычного места...

«Планета, с которой не возвращаются». Противоречия чуждых друг другу цивилизаций, загадки пропавшей экспедиции, правительственный заговор — и земляне, постепенно сбрасывающие с себя узы косного мышления и превращающиеся в настоящих первопроходцев.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Poul Anderson, 1954, 1955

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Перевод. К. Егорова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-139482-0

ВОЛНА РАЗУМА

ГЛАВА 1

Ловушка захлопнулась на заходе солнца. В красном закатном свете кролик колотился о ее стенки, пока страх, оцепенение и боль не взяли свое, после чего забился в угол, вздрагивая в такт трепыханиям собственного сердца. Взошла луна и сверкнула ледяным блеском в больших кроличьих глазах. Зверек посмотрел в сторону притаившегося в тени леса.

Зрение кролика плохо фокусировалось на близких предметах, однако через некоторое время его взгляд остановился на входе в ловушку. Когда он влез внутрь, дверца упала, с тех пор он только и делал, что до крови бился о деревянные стенки. Теперь же, продираясь сквозь неестественный белый туман лунного света, кролик постепенно извлек из памяти образ падающей заслонки и слабо пискнул от ужаса. Дверца была прямо перед носом — твердая и зловещая, она отделяла кролика от дыхания леса, но он помнил, что раньше-то она была поднята и лишь потом со стуком опустилась. Эта двойственность между «раньше» и «сейчас» никогда прежде не посещала его разум.

Луна поднялась выше, прокладывая путь по небу, полному звезд. Заухала сова, кролик застыл, когда над головой прошестели ее крылья. В голосе совы звучали страх и замешательство с нотками неожиданной боли. Сова улетела, кролика снова окружали лишь мелкие шорохи и ночные запахи. Он долго сидел и смотрел на дверцу, вспоминая, как та упала и отрезала путь к отступлению.

Луна тоже начала падать — на восточный край бледнеющего небосвода. Кролик даже немного по-кроличьи всплакнул. Рассвет или скорее наметившийся во мраке светлый туман обозначил решетку дверцы на фоне серых деревьев. В нижней части решетки обнаружилась перекладина.

Медленно, очень медленно кролик подобрался к самому выходу. Отнявшая свободу штуковина заставила его отпрянуть. От нее воняло человеком. Он тронул ее носом, ощущая мордочкой холод и росу. Дверца не сдвинулась с места. Но ведь раньше-то она двигалась!

Кролик сжался, уперся лопатками в перекладину. Поднапряся, надавил снизу вверх — деревяшка дрогнула. Зверек задышал быстро и отрывисто, дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы. Еще одна попытка... Заслонка по желобкам поехала вверх, и кролик выскочил на волю.

На мгновение он в ужасе замер. Глаза слепил свет заходящей луны. Дверца со стуком опустилась на прежнее место. Кролик повернулся и припустил в лес.

* * *

Арчи Брок припозднился, корчюя пни в сороковом секторе северной делянки. Мистер Россман хотел, чтобы работу закончили к среде и начали распашку нового поля. Если Арчи уложится в срок, мистер Россман обещал заплатить сверх нормы. Брок захватил с собой ужин и продолжал работать дотемна. А закончив работу, двинулся домой пешком — джип или пикап ему не доверяли.

Он даже не заметил усталости, хотя все мышцы ныли — сейчас бы большую кружку холодного пива. К проселку с обеих сторон подступал темный лес, отбрасывающий длинные тени на белесую под светом луны пыль. Стрекотали сверчки, где-то один раз ухнула сова. Надо бы взять ружье и подстрелить ее, пока не перетаскала всех цыплят. Мистер Россман не возражал против охоты.

Что-то много сегодня приходит на ум всяких мыслей. Обычно Арчи выполнял свою работу бездумно, особенно когда сильно

успевал — как сегодня. Может, все дело в луне? То и дело вспоминалась всякая всячина, слова сами по себе возникали в голове, как будто за него их говорил кто-то другой. Он думал о постели и о том, как было бы хорошо возвратиться домой на машине, а не пешком, вот только за рулем он терялся и попадал в переделки. Даже странно, почему так получалось, — вождение машины больше не казалось ему большой премудростью, достаточно запомнить несколько дорожных знаков, смотреть в оба — вот и все дела.

Тишину нарушали только его собственные глухие шаги. Арчи набрал полные легкие прохладного ночного воздуха и, задрав голову, посмотрел на ту часть неба, где не было луны. Какие большие и яркие звезды.

Нахлынуло еще одно воспоминание. Кто-то когда-то сказал ему, что любая звезда — это то же солнце, только расстояние до нее намного дальше. В тот раз он ничего не понял. А что, если правда? Издалека костер тоже кажется точкой, но стоит подойти ближе... Если звезды действительно похожи на солнце, они должны быть страшно далеко.

Спина похолодела. Господи Иисусе! Как далеки эти звезды!

Земля словно уплыла из-под ног, Арчи отчаянно вцепился в крохотный каменный шарик, вращающийся в безбрежной тьме. Над ним пылали и с ревом проносились по небу звезды невероятных размеров — так высоко, что он заскулил от сознания собственного ничтожества.

И бросился наутек.

* * *

Мальчик проснулся рано несмотря на лето, школьные каникулы и на то, что завтрак был еще не скоро. Под лучами утреннего солнца улица и город за окном выглядели очень чистыми и яркими. По улице протарахтел одинокий пикап, к маслобойне прошел мужчина в синей спецовке с обеденным судком в руках. Вокруг царили тишина и покой. Отец мальчика ушел на работу, мать любила, приготовив завтрак, подремать, сестрен-

ка тоже еще не поднималась, мальчика в доме никто не беспокоил.

Скоро они с другом пойдут на рыбалку, а до тех ему хотелось поработать над моделью самолета. Он умылся со всем тщанием десятилетнего мальчишки, схватил из хлебницы булочку и вернулся в свою комнату к захламленному столу. Самолет должен был выйти на славу — «Метеор» с баллончиком сжатого углекислого газа вместо двигателя. Но почему-то в это утро модель больше не казалась такой уж классной, как вчера. Эх, если бы приделать к самолету настоящий реактивный двигатель...

Мальчик со вздохом отодвинул неоконченную модель и взял лист бумаги. Он всегда любил играть с цифрами. Один из учителей показал ему алгебраические уравнения. Некоторые одноклассники обзывали его учительским сыном, пока мальчик их не поколотил, но ему действительно было интересно — это тебе не таблицу умножения зубрить. В алгебре цифры и буквы можно заставить что-то делать. По словам учителя, для того, чтобы вырасти и строить космические корабли, нужно знать уйму математики.

Мальчик начертил несколько графиков. Разные уравнения давали разную картинку. Интересно же: $x = ky + c$ — всегда прямая, $x^2 + y^2 = c$ — всегда окружность. А что, если сделать один из иксов равным 3, а не 2? Что тогда произойдет с игреком? Раньше это не приходило ему в голову!

Высунув язык, он покрепче ухватил карандаш. Надо подкрасться к иксу и игреку, немножечко поменять один из них, и тогда...

Мальчик почти изобрел дифференциальное исчисление, но тут мама позвала его завтракать.

ГЛАВА 2

Все еще распевая во весь голос, Питер Коринф вышел из душа. Шейла жарила яичницу с беконом. Он взъерошил короткие каштановые волосы жены, поцеловал ее в шею, она с улыбкой обернулась.

— Божественно прелестна и готовит как Бог, — похвалил он.

— Ты что, Пит? Ты никогда раньше...

— Не находил нужных слов, — договорил он за нее. — Но это святая правда, дорогая моя.

С довольным вздохом он наклонился над сковородой и втянул ноздрями манящий запах.

— У меня такое чувство, что сегодня один из тех дней, когда все пойдет как по маслу. За мой хюбрис боги, несомненно, натравят на меня Немесиду. И Ату: шалава Герти опять сломается. Но с тобой мне все нипочем.

— Хюбрис, Немесида, Ата... — На чистом лбе Шейлы обозначилась легкая складка. — Ты не первый раз произносишь эти слова, Пит. Что они значат?

Питер зажмурился. За два года после свадьбы он ни капли не разлюбил жену, однако, глядя на нее, ощущал стеснение в сердце. Шейла добра, жизнерадостна, красива и умела хорошо готовить, но совершенно невежественна. Когда к нему в гости приходили друзья, жена тихонько сидела в уголке и не принимала участия в разговорах.

— Зачем тебе знать? — ответил он вопросом на вопрос.

— Просто интересно.

Он прошел в спальню и начал одеваться, приоткрыв дверь, чтобы объяснить жене основы древнегреческой трагедии. Утро выдалось слишком солнечным для разговоров на такую тему, тем не менее Шейла слушала внимательно, изредка задавая вопросы. Когда он вышел, жена, улыбаясь, двинулась ему навстречу.

— Мой дорогой неуклюжий физик, — сказала она. — Среди всех, кого я знала, ты единственный, кто способен надеть костюм сразу после химчистки и выглядеть так, словно чинил в нем машину.

Она поправила галстук мужа и разгладила помятый костюм. Питер запустил пятерню в черные волосы, немедленно придав им прежний растрепанный вид, и присел за столик на кухне. Струя пара из кофейника затуманила стекла очков, он снял их и протер галстуком. Без очков его чистое лицо со сломанным носом выглядело иначе — моложе и ближе к реальному тридцатитрех-летнему возрасту.

— Открытие пришло мне в голову, когда я просыпался, — сообщил он, намазывая тост маслом. — Все-таки подсознание у меня хорошо натаскано.

— Ты нашел решение своей проблемы?

Питер кивнул, он был слишком занят собственными мыслями, чтобы обратить внимание на значимость вопроса. Обычно жена отправляла его на работу, впопад отвечая «да» и «нет» и не особо прислушиваясь к тому, о чем он говорил. Для нее работа мужа представляла собой полнейшую загадку. Ему иногда казалось, что она живет в детском мире, полном малопонятных, зато ярких и необычных вещей.

— Я пытался создать анализатор фазовых шумов для межмолекулярных резонансных связей в кристаллических структурах. Н-да, неважно. Дело в том, что последние несколько недель я пытался рассчитать схему, которая делала бы то, что мне нужно, и зашел в тупик. А сегодня утром проснулся с рабочей идеей в голове. Посмотрим...

Глаза Питера уставились в пространство; он жевал пищу, не ощущая вкуса. Шейла ласково усмехнулась.

— Сегодня я могу задержаться допоздна, — сказал он с порога. — Если новая идея даст желаемый результат, буду торчать на работе до... бог знает, до какого часа. Короче, позвоню.

— Хорошо, милый. Возвращайся с добычей.

Когда муж ушел, Шейла некоторое время стояла, улыбаясь ему вслед. Пит такой... да что там, ей просто повезло! Раньше она не особо задумывалась, какое счастье ей привалило, но сегодняшнее утро было каким-то особенным, полным четкой резкости и прозрачности, как воздух в Западных горах, куда так любил ездить муж.

Напевая вполголоса, Шейла помыла посуду и навела порядок в квартире. Воспоминания пробегали в голове, как кадры кинофильма, — девичьи годы в маленьком пенсильванском городке, бизнес-колледж, переезд в Нью-Йорк несколько лет назад и работа клерком в конторе, принадлежащей друзьям родителей. Господи, как мало она была приспособлена к такой жизни! Одна вечеринка за другой, один бойфренд за другим, все бойкие на язык, порывистые в движениях, напускная крутизна, всезнайство.

Среди одетой в дорогие шмотки и оборотистой толпы постоянно приходилось держать ухо востро. Правда, за Пита она выскочила замуж назло Биллу, который обозвал ее дурой, — ну да ладно.

Ей всегда нравился этот спокойный, застенчивый мужчина, и сбежала она к нему от всей прошлой жизни в целом.

Жизнь стала скучной, мысленно сказала она себе, *и я этому рада*. Размеренная жизнь домохозяйки, никаких выдающихся событий, разве что встречи с друзьями и разговоры под пиво, редкий визит в церковь, пока неверующий Пит дрыхнул поутру, отпуск в Новой Англии или в Скалистых горах, планы в скором времени завести ребенка — чего еще желать? Прежние ее друзья всегда поднимали на смех типичную скуку мещанского прозябания, но, если разобраться, они всего лишь променяли одну рутину с набором броских штампов на другую, попутно потеряв связь с реальностью.

Шейла озадаченно тряхнула головой. Грезить наяву она не привыкла. Собственные мысли казались ей чужими.

Она закончила работу и осмотрелась вокруг. Обычно она немного отдыхала до обеда, читая детективы — единственное чтение, к которому питала слабость, после этого ездила за покупками, иногда гуляла в парке, встречалась дома или в гостях с подругами, после чего готовила ужин и ждала с работы мужа. Однако сегодня...

Шейла взяла новый детектив, который собиралась прочитать. На мгновение задержала пеструю обложку в руках, оставалось только сесть и приступить к чтению. Вместо этого, покачав головой, она отложила книгу, подошла к переполненному книжному шкафу, взяла с полки любимый Питом потрепанный экземпляр «Лорда Джима» и вернулась в кресло. Когда она вспомнила про обед, полдень давно миновал.

* * *

Коринф встретил Феликса Мандельбаума в спускающемся лифте.

Обычно соседи в многоэтажках Нью-Йорка близкими друзьями не становятся. Выросшая в маленьком городе Шейла на-

стояла на том, чтобы познакомиться хотя бы с жильцами на своем этаже, и Питер был искренне рад, что поддался на уговоры. Жена Феликса Сара была пышнотелой, спокойной, склонной к затворничеству хаусфрау, приятной на вид, но не броской. Ее муж, однако, был сделан совсем из другого теста.

Феликс Мандельбаум родился пятьдесят лет назад в шуме и грязи подпольных потогонных мастерских Нижнего Ист-Сайда. С тех пор жизнь нещадно его пинала, а он весело в ответ отбрыкивался. Кем только ему не приходилось быть: сезонным сборщиком овощей, искусным механиком и даже заграничным агентом УСС* во время войны — видимо, пригодилось его знание языков и людей. Параллельно выстраивал карьеру в профсоюзах — от Индустриальных рабочих мира в прошлом до относительно респектабельной нынешней должности, официально — ответственного секретаря местного профсоюза, неофициально — шустрого решалы, имеющего значительный вес в национальном совете. Он перестал быть радикалом еще в двадцатилетнем возрасте. Говорил, что насмотрелся на радикализм изнутри, и этого хватило бы любому вменяемому человеку. Наоборот, Феликс считал себя одним из последних истинных консерваторов. Учился всему сам, но имел обширные познания. По степени приспособленности к жизни Феликс не уступал ни одному человеку в окружении Коринфа — разве что Нату Льюису. Любопытный факт.

— Привет! — поздоровался физик. — Поздновато сегодня.

— Не совсем. — Мандельбаум, как типичный житель Нью-Йорка, говорил жестко, быстро и отрывисто. Это был маленький, жилистый, седой человечек с уловатым лицом, большим носом и пронзительными черными глазами. — Мне приснилась идея, план реорганизации. Поразительно, как до этого никто до сих пор не додумался. Бумаготворчество можно сократить наполовину. С утра рисовал график.

Коринф уныло покачал головой.

— Феликс, ты достаточно прожил, чтобы знать: американцы обожают бумаготворчество и зубами будут держаться за каждую бумажку.

* УСС (Управление стратегических служб) — первая объединенная разведывательная служба США, предшественник ЦРУ.

— Ты еще европейцев не видел, — буркнул Мандельбаум.

— Заешь, очень странно, что идея пришла тебе в голову именно сегодня утром. Кстати, напомним потом, чтобы я не забыл спросить о подробностях. Я и сам проснулся с готовым решением проблемы, мучившей меня несколько месяцев.

— Да? — Мандельбаум ухватился за новость, повертел ее в воображаемых руках, обнюхал и отложил в сторону. — Действительно странно.

Значит, не заинтересовался.

Лифт остановился, и приятели разошлись в разные стороны. Коринф по обыкновению отправился на работу подземкой. Свою старую машину он продал, новую так и не купил. В этом городе держать автомобиль не имело смысла. В вагоне стояла непривычная тишина. Люди меньше торопились и грубили, словно пребывали в задумчивости. Коринф, похолодев, взглянул на заголовки газет — неужели началось? — однако газеты не писали ни о чем из ряда вон выходящем, за исключением заметки о собаке, которую посадили на ночь в подвал. Она каким-то образом открыла морозильник, вытащила мясо и дала ему оттаять. Когда за ней пришли, собака лежала довольная с набитым пузом. В остальном все как обычно: боевые действия в разных уголках мира, забастовка, демонстрация коммунистов в Риме, четверо погибших в автокатастрофе — как будто типографские станки задались целью выжать кровь из каждого печатного слова.

Выйдя в Нижнем Манхэттене, Коринф, чуточку хромая, прошел пешком три квартала до Института Россмана. Много лет назад произошел несчастный случай — Питер сломал нос и повредил правое колено, что избавило его от призыва в армию. Хотя, возможно, сыграло роль и то, что сразу же после окончания колледжа его направили в Манхэттенский проект.

Питер поморщился вслед ускользающему воспоминанию. Хиросима и Нагасаки по-прежнему тяжким грузом висели на его совести. Он уволился сразу же после окончания войны. И не только для того, чтобы возобновить учебу, избавиться от бюрократических рогаток и сомнительного ореола таинственности государственного научного работника или выбрать бесцветную, малооплачиваемую университетскую карьеру — он бежал от чувства